

ДЖАНЕТТ
ЛАЙНС

САД
ЧУДЕС
И ВОЛШЕБНАЯ
АРФА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44
Л18

Jeanette Lynes
THE APOTHECARY'S GARDEN
Copyright © Jeanette Lynes, 2002
All rights reserved

Издательство выражает благодарность *HarperCollins Publishers Ltd.*
и литературному агентству *Synopsis Literary Agency*
за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Натальи Буравовой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Лайнс Дж.

Л18 Сад чудес и волшебная арфа : роман / Джанетт Лайнс ;
пер. с англ. Н. Буравовой. — М. : Иностранка, Издатель-
ство АЗБУКА, 2025. — 448 с. — (Дары Пандоры).
ISBN 978-5-389-26628-5

Двадцативосьмилетняя Лаванда Фитч живет в маленьком канадском городке и после смерти родителей едва сводит концы с концами. Девушка зарабатывает на жизнь, выращивая цветы и продавая букеты и бутоньерки на железнодорожной станции. Но вот однажды с поезда сходит странная пара — знаменитый медиум Аллегра Траут прибыла на публичную демонстрацию своих спиритических способностей в сопровождении помощника Роберта. Прорицательница одаривает всех знаками внимания, но на Лаванду смотрит неприветливо, хотя ее спутник, наоборот, активно ухаживает за девушкой. Как новые знакомые повлияют на судьбу Лаванды? Удастся ли девушке обрести личное счастье? И какую роль в этой истории сыграет арфа ее покойной матери, до сих пор стоящая у Лаванды в гостиной?

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Н. Б. Буравова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26628-5

Первый встречный, если ты, проходя, захочешь
Заговорить со мною, почему бы тебе не заговорить
Со мною? Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

*Уолт Уитмен. «Листья травы».
Из цикла «Посвящения». 23. Тебе¹*

Глотаешь ты жадно разреженный воздух
этой планеты, словно прежде не ведал иного.

Бронвен Уоллес. «Обычное волшебство»

Не столь уж и давно, хоть и до того, как была построена Великая железнодорожная магистраль, матушка, одаренная арфистка, известная всему Онтарио, часто устраивала импровизированные концерты, играя в большом саду за нашим домом на Пиннакл-стрит. И так сладкозвучно пела ее арфа, звеня струнами, словно колокольчиками, что песня эта манила к себе жителей городка, летним вечером выходявших на прогулку, и они шли по мощеной дорожке к нам в сад и там застыли среди осиянных фонарями деревьев, зачарованные и дивной музыкой, окутывающей пышные цветочные клумбы, и острыми, пряными ароматами, разносящимися от множества душистых грядок с целебными травами, которые в изобилии выращивал мой отец для своих аптекарских трудов. Наш сад в те ночи служил успокоительным бальзамом. Отец тоже наслаждался этими концертами,

¹ Пер. К. И. Чуковского.

расположившись на скамейке у большого замше-
лого камня. Я устраивалась рядом с ним, и мы оба
преисполнялись гордости.

Родителей знали и почитали в нашем Бельвиле,
правда, по-иному, нежели, например, Корби, Сви-
тов, Моуди, Нозуорти или Флинтгов, а просто за
талантливость: мать как даровитую музыкантшу,
а отца — как выдающегося аптекаря.

Иногда они словно обменивались некоторыми
чертами характера, поскольку обширные познания
матери в области лекарственных растений служи-
ли неоценимым подспорьем в фармацевтическом
бизнесе всей нашей семьи. Отец гордился мамой
и всегда отдавал должное ее знаниям и участию. Да
и люди нередко называли «аптекарями» обоих мо-
их родителей. Мать подробно записывала всё свя-
занное с лекарственными травами, с разными ви-
дами коры, ягод, грибов, семян и даже ползучих
лиан, а также рецепты всевозможных мазей, при-
мочек, припарок, отваров и настоек. Имелись в ее
блокнотах и средства народной медицины, вели-
кодушно переданные одной сведущей местной жи-
тельницей, с которой она зналась.

Какое счастье, что мама это записывала, ведь
иначе все ее знания о природных лекарствах, и осо-
бенно о рецептах их приготовления, оказались бы
утрачены, когда в 1842 году пневмония — а вовсе не
холера — украла ее у нас.

По сей день сад моей матери, а теперь уже мой,
славится превосходными цветами и лекарственны-
ми растениями. Со временем из разговоров о не-
ком «утешительном оазисе на Пиннакл-стрит»,

словно из семенных коробочек, выросли пышные фантазии: люди утверждают, будто из зеленой беседки за нашим домом ночами до сих пор иногда слышна музыка. Некий потусторонний аспект, свойственный моему саду, теперь служит мне еще и основным источником дохода. Остановившаяся на вокзале у моей тележки с цветами и букетами, люди угощают меня воспоминаниями о том, как волшебна матушка играла на арфе в цветущем саду.

Отец после смерти матери редко заходил в сад, поэтому вся эта растительная роскошь осталась на моем попечении и сделалась для меня и радостью, и пропитанием. Я повесила на ворота табличку: «Частное владение — вход воспрещен». Так рано потеряв мать, да и позже, после несчастья, случившегося в Кобурге, я укрывалась в зеленом святилище сада, словно в шали, сотканной из цветов и мелиссы. И после того как в прошлом году скоропостижно скончался отец, а я оказалась на грани финансового краха, этот цветочный приют снова понадобился мне. Теперь же обстоятельства вынуждают стебель за стеблем рубить священное убежище, превращая его в монеты, дабы оплачивать еду и другие насущные нужды.

По мнению здешних обитателей, я могу вырастить что угодно. «Ах, эта девушка с цветами... да у нее и сухая палка зазеленеет». Как мне бы хотелось, чтобы они ограничились словом «девушка» и заморозили меня во времени. Сейчас мне двадцать восемь, и да, я хорошо разбираюсь в садоводстве. Вот только не знаю, как вырастить еще хоть кусочек жизни.

Я разорена и одинока, если не считать хромого мальчика-сироты, живущего под моей крышей. Которая к тому же еще и протекает.

Я такая легкая, что меня может унести ветром, словно пушистый шарик одуванчика. Состояние, вызванное голодом. Глядя на себя со стороны, как в стереоскоп, что я вижу?

Женщина в траурной юбке, свободно болтающейся на костлявых бедрах, толкает по дороге тележку.

Часть I

Тысячелистник

Здравствуй, о, здравствуй,
Мой тысячелистник прекрасный.

Трижды Господь тебя благослови,
Моего милого нынче мне покажи,
До меня доведи, да и тут остави.

Приворотное заклинание на траву

Глава 1

На берегах залива Квинте. 1860 год

Когда Лаванда Фитч катила свою уставленную цветами тележку к железнодорожной станции, воздух наполнялся благоуханием, которого она не замечала с тех пор, как в их деревне останавливался цирк. Пахло поздним летом: соломой, сушеным клевером, птичьим кормом, перемолотой крупой, с ближайшей винокурни доносился спиртовой дух. К этим ароматам примешивались табак, помада, одеколон, щелочное мыло, нафталиновые шарики, зловоние взрослых организмов, очень давно не знавших воды. Свой шлейф запахов оставили и разношерстные существа, пронесившиеся мимо и тоже направлявшиеся к поезду.

Людей по дороге шло больше обычного; кругом царил суета, кутерьма, суматоха. Должно быть, на поезде прибывает кто-то особенный, подумала Лаванда, высокопоставленный сановник или знаменитая певица, звезда театральной сцены или героиня нашумевшей любовной истории. Кто-то из королевской семьи? Нет, вряд ли — принцу Уэльскому еще неделю добираться до их берегов.

Несколько дам, торопливо вышагивающих рядом с Лавандой, оживленно бормотали, но про-

шли мимо так быстро, что смысл их речей от нее ускользнул, унесенный хриплым дыханием, судорожно вырывавшимся из ее напряженного рта, когда она из последних сил лавировала своей тяжелой тележкой. Лаванда вовсе не завидовала их изящным шляпкам, красивым платьям. Хотя они и составляли разительный контраст ее собственному уныло-траурному наряду: темным юбке и блузке да серо-черному капору. Эти болтливые дамы оставили Лаванду далеко позади, недоумевая, почему она не слышала о знаменитой особе, которая должна прибыть на поезде.

Впрочем, удивляться тут было нечему, учитывая, что девушка почти неделю не выбиралась из своего сада и дома на Пиннакл-стрит. Она собирала травы, а затем заметно опустошила клумбы, нарезая цветы, которые собиралась продать в тот день на привокзальном рынке. И старательно избегала магазинов с их искушениями: все ее и без того скудные средства шли на суповые кости для ужинов и ленты для венков и букетов. Лаванда и так сильно задолжала Холтону и будет держаться подальше от его галантерейно-бакалейной лавки, пока не расплатится. А ведь еще и гробовщик уже больше года все ждет платы за похороны отца.

На дороге Лаванду словно захлестнули волны людского моря. Правда, в отличие от нее, многочисленное человеческое стадо не тащило с собой букетов, бутоньерок, венков и прочего груза, поэтому даже едва бредущие деревенские старики, которых время пригнуло к земле, словно буря с Он-

тарио — сосны, казались попрыгунчиками рядом с нею, через силу толкающей тележку, доверху заполненную цветами.

К тому же Лаванда, похоже, единственная ковыляла в высоких веллингтонах¹ на три размера больше. По крайней мере, если судить по тому, как проворно большинство проскакивало мимо, не обронив ни слова приветствия. В другие дни то джентльмены приподнимали шляпу: «Прекрасное утро для продажи букетов, мисс», то дамы окликали из открытых колясок: «Прибереги для меня самый красивый тусси-мусси!»² И только с добрым значением». Лаванда понимала, о чем речь: о крохотных букетиках, маленьких композициях из ярких цветов вперемешку с травами, перевязанных ленточками. О сердечных посланиях, зашифрованных на язы-

¹ Высокие сапоги, придуманные героем битвы при Ватерлоо герцогом Артуром Уэлсли Веллингтоном, полководцем, который не только преуспел в военном деле и политике, но и славился отменным вкусом и стилем. Поначалу были кожаными, а после того как в 1852 году был открыт процесс вулканизации, их стали производить и из резины (*Здесь и далее — прим. перев.*).

² Маленькие букетики, мода на которые возникла в Викторианскую эпоху. Они служили не только способом для влюбленных поведать о своих чувствах, но и популярным украшением женских и мужских костюмов. Для удобства, чтобы не уколоть руки и не испачкать перчатки, использовали специальные держатели — портбукеты (портбукетницы). Это мог быть просто украшенный конус из картона или кружевная салфетка, но встречались и настоящие ювелирные шедевры. Аналог портбукета для мужчин — бутоньерка.

ке цветов. Цветы и травы говорили о многом, очаровывали, предвещали, исцеляли.

— Для вас, красавица, никаких печалей! — откликалась Лаванда. — Только радостные вести!

Но сегодня ни элегантно приподнятых шляп, ни кокетливых просьб о тусси-мусси.

Минувшей ночью шел проливной дождь. Потом налетел сильный ветер, который в мгновение ока высушил сад Лаванды. А затем накатила сильная жара. На дороге, однако, по-прежнему виднелись лужи жидкой грязи, местами покрытые рябью. По этим вязким лужам, разбрызгивая грязь в разные стороны, с трудом влачили запряженные лошадыми повозки и фургоны. Впрочем, для этой дороги грязь была обычным состоянием.

Очертя голову, вперед неслись собаки. Одна дворняга, должно быть, только что извалялась в луже, поскольку на бегу энергично отряхивалась, обрызгивая Лаванду грязью. Девушка сомневалась, что даже цветочные ароматы тележки смогут перекрыть грязный, болотный запах животного, который теперь осел на ее юбке, а следы грязи на фоне мрачной одежды были еще заметнее.

Встречать поезд люди выходили всегда. Его прибытие извечно вызывало волнение, придавая всему событию ощущение праздника. Расставленные вдоль перрона прилавки, среди которых пристраивала свою тележку и Лаванда, приносили еще и некую красочную ярмарочность, особенно приятную и съедобную в силу их временного характера, мимолетного, как радуга. Поезд приносил запах большого мира. Из-за своей непреходящей стра-

сти к локомотиву местные жители даже прозвали его Самсоном. Что касается вокзала, то этому поразительному зданию исполнилось уже два года, но оно не утратило свежести и волшебной притягательности, а стояло вроде даже как обновленным, словно кто-то потерял лампу Аладдина, и джинн, материализовавшись из вылетевшего из нее облачка, вычистил и отполировал эти известняковые стены.

Так прекрасный вокзал и маячил вдалеке, облитый голубым светом позднего лета, словно сооружение из какого-то сна об Италии. Художники и в самом деле часто зарисовывали здание, чьи линии и симметрия ласкали взгляд. Это место было популярным среди влюбленных и записных сплетников: здесь назначали свидания, делали предложения руки и сердца, обменивались деревенскими новостями. Романтическая архитектура здания навевала желание поиграть в Италию. Но Лаванда не могла позволить себе предаваться подобным фантазиям, ведь они не помогли бы ей прокормить себя и Арло Снука, мальчика-сироту, которого она приютила.

Это была последняя летняя ярмарка, расцвет цветочной торговли. Теперь оставалось только две возможности заработать: сегодня на привокзальном рынке и в день приезда в Бельвиль принца Уэльского. После этого Лаванде пришлось бы лишь сводить концы с концами, пока не придет пора продавать хвойные рождественские венки. А после наступит самый унылый для садовода сезон — зима. Сухие, бесцветные месяцы. Она даже думать об этом боялась.

И предпочла пристально всматриваться в вокзал впереди.

Тяжелая тележка с цветами гнула ее к земле. Как же хочется есть. Живот, куда на рассвете упало одно-единственное крутое яйцо, уже крутит от голода. Курица снесла два. Второе Лаванда оставила Арло, который скитается по улицам в поисках работы и тоже отчаянно нуждается в пище. Причем работа ему подходит не всякая, а только легкая: расклеить объявления, помочь наборщику, сходить по какому-то поручению и тому подобное. Ничто требующее большого напряжения не подходило этому пятнадцатилетнему парню из-за несчастного случая на охоте, который сделал его хромым и менее крепким, чем большинство ровесников. Однако немощь не помешала росту: недавно он вымахал так, что скоро, похоже, перерастет подсолнухи в саду. Когда он уходил, девушка начинала скучать по нему. Обычно Арло вставал, как и она, на рассвете и помогал срезать цветы, собирать их в бутоньерки и букеты, перевязывать лентами, а затем аккуратно, как учила Лаванда, укладывать в тележку, чтобы не повредить нежную, хрупкую красоту. Он безропотно собирал хворост и дрова в лесу и помогал в саду. Но в последнее время его юный взор замечал, как исхудала Лаванда, а сам он и вовсе превратился в бобовый стебель. Глаза цвета горечавки¹ видели, что они оба нуждаются в большем.

Чтобы успокоить дыхание, девушка на мгновение опустила тележку. Капельку передохнуть от ко-

¹ Травянистое растение с ярко-синими цветами.

выляния в этих веллингтонах: они так велики ей, что можно споткнуться о собственные ноги. Сапоги принадлежали отцу, который был тщеславен и всегда одевался по последней моде. И хоть такая обувь с ее явно мужской принадлежностью отнюдь не украшала Лаванду, зато отлично годилась для работы на открытом воздухе. Три пары толстых шерстяных носков, которые Лаванда надела, чтобы не выпадать из сапог, помогли, но это было все равно что запихнуть в каждый половину овцы. Честно говоря, это отцу, аптекарю, нужно было выглядеть щегольски: разве можно выглядеть убого, когда предлагаешь лекарства.

Лаванда двинулась дальше, постепенно приближаясь к вокзалу. Причудливый образ овцы в ногах бодрил. Как и мысль о грузе в тележке, который должен обернуться хлебом насущным, об этих многочисленных цветах, лозах и побегах. О травах, что исцеляли и успокаивали. Тем летом условия для выращивания были великолепны. Идеальны. Шпили дельфиниума красивейшего барвинково-синего оттенка взлетали ввысь, паря на фоне голубого неба; беседку пылко обнимали розы; пышные плети плюща свисали, томно перешептываясь, словно стайки праздных дам. Восковые листочки мирта, блистая, были подобны маленьким зеркальцам, в которых Лаванда видела крохотные отражения своего лица. Папоротник разрастался густым лесом. Мальвы радостно разевали алые и розовые ротки. Исходили ароматом груши с любимого дерева матери. Даже пылкий мох дерзко и честолюбиво стлался под ноги. Бурно разрослась огуреч-

ная трава. И тысячелистник, кругом множество тысячелистника. А еще фиолетовая лаванда, ее тезка. Хотя по некоторым цветочным словарям лаванда означала осторожность и сомнения, матушка всегда утверждала, что у нее этот цветок ассоциируется со спокойствием, безмятежностью, душевным равновесием.

Однако в дороге Лаванда не чувствовала себя ни спокойной, ни безмятежной. А все потому, что цветы она срезала с глубоким огорчением. Эти сочные зеленые стебли начали умирать в тот самый момент, когда в них вонзался секатор. И палачом была она. И слышала крики несчастных растений, когда выкрадывала их из земляного дома.

Убийство. Похищение. Лаванда хотела быть не палачом, а поборницей красоты. Но надо было есть. Надо было жить. А для этого приходится продавать любимые цветы.

Девушка добралась до вокзала. Пора надевать маску веселья. Никто ведь не захочет покупать букеты из рук воплощенного горя и несчастья. Людям нравится жизнерадостная «деревенская девушка с цветами». Такое вот неправильное название. Потому что, во-первых, Бельвиль считается уже городом, хотя большинство местных жителей по-прежнему называют его деревней, а местного глашатая — деревенским. А во-вторых, сама Лаванда уже вышла из возраста девичества. За пределами цветочной торговли ее прозывали «двадцативосьмилетней старой девой», «девчонкой нашей славной арфистки». Или «дочерью аптекаря» — те, кто знал ее отца; а в его магазин приезжали отовсюду.

Тележка Лаванды влетела в выбоину. Бессмертники, мята, физалис и поздние розы почти утонули в грязи. Саше с тысячелистником выпало на дорогу. Лаванда выругалась под нос: «Вот же черт!» Надо было положить его на дно тележки. Девушка встряхнула льняной мешочек. На нем осталось пятнышко засохшей грязи. Одна надежда — что потенциальный покупатель не заметит.

Выправив тележку, Лаванда снова задумалась, кто сегодня может прибыть по Великой железнодорожной магистрали. Ее захлестывали волны мытых и немытых людей. Вот проскользнул мужчина в широкополой шляпе. Англиканский священник, наверное? Может, стоило попросить у него благословения?

Лаванда обратилась к шествующей мимо даме и спросила, почему все так спешат добраться до станции? Поезд ведь еще не пришел. Не замедляя шагов, женщина в чепце повернулась и уставилась на нее, будто Лаванда была не известной всем цветочницей, а городской сумасшедшей.

— Как почему? Чтобы найти место, откуда будет хорошо видно, как из поезда выходит знаменитая духовидица, пророчица. Она мистик и эзотерик широкого профиля. Одна из тех, кто разговаривает с мертвыми. Отлично гадает и на кофейной гуще, но со сверхъестественным умением читает именно по чайным листочкам. А еще по Таро. Все говорят, что она способна на многое. Настоящий мастер на все руки по сокровенным знаниям. А вы, мисс, верно, в медвежьем углу обитаете, раз не слышали о той, кого называют Прорицательницей.

И женщина поспешила вперед, словно пытаясь наверстать время, потраченное на эту проникновенную речь.

Деревенский глашатай уже, несомненно, прогавкал новости об этом знаменитом многопрофильном мистике-медиуме.

У вокзала сгрудились экипажи, готовые доставить путешественников в «Эмпайр-отель», «Фермерс-отель», «Мэншн-хаус» или какую-нибудь другую гостиницу. Неуклюже лавируя тележкой и с трудом объехав большую кучу переваренного лошадиного завтрака, Лаванда пробралась сквозь толпу.

Устроившись на своем обычном торговом месте, она повесила на борт тележки плакатик: «Красота растений Л. Фитч — для вас». Другие продавцы приветствовали ее с дружеской теплотой, вполне искренней, пока не пришел поезд и они не начали соперничать за кошельки путешественников. До Лаванды доносился сладкий аромат засахаренных яблок. Как же хочется съесть, жадно сгрызть хоть одно, да только на что его выменять? Торговец яблоками, сморщенный мужичок в латаной-перелатаной жилетке, не показался ей любителем цветов. Рядом мастерица-ткачиха размахивала изумительной красоты накидками. Как же хочется купить самую яркую и вместо унылых оттенков траура с непередаваемым наслаждением закутаться в броские тона.

Вся эта накатывающая волнами толпа шумела и гудела, пропитываясь последним теплом уходящего лета. Из этого гула, ввинчивавшегося Лаван-

де в уши, время от времени вылетали восклицания «Прорицательница!», «Путешествующая визионерка!» и еще какие-то отрывистые слова, в одном из которых, прощелкавшем над ухом Лаванды, подобно кукурузному зерну на сковородке, ей послышалось «форелька».

Рыбы тоже умеют прорицать?

Но тут до Лаванды долетели новые слова. Оказывается, Прорицательницу зовут Аллегра Траут¹. Теперь понятно, откуда рыба.

В толпе Лаванда заметила госпожу Дот Тикелл, эксцентричную художницу, которая размазывала краску по холсту на мольберте. Без сомнения, усугубляя уныние. На ней, как обычно, была мужская шляпа наподобие той, что носят машинисты, а седые волосы тщательно убраны под нее. Дот предпочитала изображать угрюмые сцены жизни их городка, да еще делала это гротескно, отчего ее картины становились сродни ночным кошмарам. Сейчас она была слишком поглощена собственным творческим процессом, чтобы привычно подшучивать над тем, как Лаванда, продавая цветы, торговала «эфмерным», в то время как она сама, нанося краски на холст, создавала долговечные вещи. По этому поводу Лаванда никогда не возражала госпоже Тикелл, потому что здесь спорить бессмысленно. Нарисованные изображения и в самом деле переживут живые цветы. А художница дружила с матушкой и до сих пор время от времени навещает дом на Пиннакл-стрит, так что Лаванда спокойно относилась

¹ Trout (англ.) — форель.

к ее выкрутасам, чтя материнскую привязанность и родство творцов: тех, кто создавал вещи своими руками, будь то тусси-мусси или картины.

Среди толпы двигался шарманщик с обезьянкой на плече. Пот выступил у него на лбу, придавая его музыкальным шедеврам влажное волнение. Лаванда уже много раз приходила к вокзалу со своей тележкой и продавала цветы, но до сих пор не видела ни шарманщиков, ни обезьянок. Впрочем, это и не удивительно: со времен открытия Великой железнодорожной магистрали на берегах залива Квинте появилось великое множество разношерстных типажей.

Жонглер по соседству ухмыльнулся. К тележке Лаванды суетливо подбежали две хихикающие девушки и, купив по коралловой розе, приколотили к волосам (для этого в тележке имелось несколько одиночных цветков). Девушки, нарядные, миловидные и пухленькие, разительно отличались от изможденной Лаванды с ее неуклюжими сапожищами и траурной юбкой в пятнах грязи.

Чтобы как-то скрасить унылую одежду и оживить свою наружность, Лаванда полезла в тележку. Помимо роз, у нее там было припрятано несколько стеблей тысячелистника — тысячелистника Фитча, тысячелистника арфистки, как называли его местные жители. Растение покупали как оберег, как лекарство, но чаще для приворотного заклинания на траву. Лаванде были известны и другие, более мистические названия тысячелистника: хвост оборотня, ведьмин сорняк, игрушка злодея. Но такие определения вряд ли способствовали бы продажам,

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ДЖАНЕТТ ЛАЙНС
САД ЧУДЕС И ВОЛШЕБНАЯ АРФА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.07.2025.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-PDA-35620-01-R